

Ш Е Д Е В Р Ы
П О Э З И И

Антологии
мировой
психоделической
лирики

Ш Е Д Е В Р Ы П О Э З И И

Антологии мировой психоделической лирики

Составитель: А. С. Акулов

Санкт-Петербург

2008

УДК 82

ББК 84

Ш 38

Шедевры поэзии. Антология мировой психоделической лирики. СПб. 2008. — 292 с

Составитель: Акулов А. С.

© Шедевры поэзии. Антология мировой психоделической лирики.

© Составление: Александр Акулов

Технический редактор Е. Колесников

Сдано в набор 16. 01. 2008

Подписано в печать 04. 07. 2008

Формат 60x84 1/16..

Беспигментная печать.

Содержание

Чис-
ло
тек-
стов

Часть I

Бальмонт.....	41	11
Блок.....	13	53
Фет.....	11	68

Часть II

Древний Египет.....	2	79
Из "Песни Песней".....	2	81
Древняя Индия.....	3	83
Омар Хайям.....	8	86
Ван Вань.....	1	89

Цин Гунь.....	1	90
Чжу Дуньчжу.....	1	91
Ли Цинчжао.....	1	92
Синь Цицзи.....	2	93
Чжу Цюнян.....	1	95
Ли Инно.....	1	96
Нань Цянь.....	1	97
Басё.....	3	98
Фудживара-но-Кинто.....	1	101
Минамото-но-Томэиоси.....	1	102
 Часть III		
Сапфо.....	2	103
Чиро ди Перс.....	1	105
Джироламо Фонтанелла.....	1	106

Фридрих Гельдерлин.....	3	107
Артур Шопенгауэр.....	1	110
Анри де Ренье.....	1	112
Карл Цукмайер.....	1	108
Хорхе Луис Борхес.....	1	113

Часть IV

С. Малларме.....	2	114
Ж. Роденбах.....	1	116
Сэсил дей Льюис.....	1	117
Карел де Вуастье.....	2	118
Марио де Са-Кариейро.....	1	120
Антонен Арто.....	1	121
Поль Пажен.....	1	122

Часть V

Русский фольклор.....	1	123
Г. Р. Державин.....	1	124
Тютчев.....	9	125
Каролина Павлова.....	2	134
А. К. Толстой.....	1	136
Константин Случевский.....	3	138
Вл. Соловьев.....	3	141
Константин Фофанов.....	3	144
Николай Минский.....	2	148
Д. Мережковский.....	6	150
Д. Ратгауз.....	1	156
А. Федоров.....	1	157
Брюсов.....	6	158

Сергей Кречетов.....	2	164
Мирра Лохвицкая.....	1	166
З. Гиппиус.....	8	167
Ф. Сологуб.....	15	177
Вяч. Иванов.....	4	193
Волошин.....	7	198
Андрей Белый.....	10	206
Константин Диксон.....	2	217
Александр Тиняков.....	1	219
Гумилев.....	7	220
Игорь Северянин.....	5	228
Иван Игнатъев.....	1	233
Д. Туманный.....	1	234
В. Маяковский.....	3	235
Мариэтта Шагинян.....	1	238

Есенин.....	8	239
Вс. Рождественский.....	1	247
Р. Рождественский.....	1	248
Станислав Куняев.....	1	249

Часть VI

Георг Тракль.....	6	250
Федерико Гарсиа Лорка.....	7	256
Ханс Арп.....	11	263
Жак Рубо.....	1	274
Ив Бруссар.....	1	275
Иван Голль.....	1	276
Жозе Гомес Феррейра.....	1	277
Вальтер Хельмут Фриц.....	1	278
Аниз Кольц.....	3	279

Часть VII

Хлебников.....	6	282
Геннадий Айги.....	1	288
Аркадий Драгомощенко.....	1	289
Иван Жданов.....	1	288

От составителя

В этой книге вниманию читателя нередко предоставляются только некоторые из строф, отдельные строчки, но не целые стихотворения. Приведенные в антологии адаптированные варианты написания, как правило, не подходят для целей цитирования, изучения, анализа — материал подчинён чисто медитативным задачам.

Во многом подходя к поэтическим текстам, как к музыкальным или живописным произведениям или копиям живописных произведений, составитель стремился снизить до минимума элементы коллажирования, аранжирования.

Из-за неспецифического назначения книги, иногда предпочтение отдавалось первым или промежуточным (не окончательным) редакциям.

Часть I

БАЛЬМОНТ

* * *

Мне странно видеть лицо людское,
Я вижу взоры существ иных.
Со мною ветер и все морское,
Все то, что чуждо для душ земных.

Со мною тени, за мною тени,
Я слышу сказку морских глубин,
Я царь над царством живых видений,
Всегда свободный, всегда один.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молний горят вдали,
Я вижу остров, где все знакомо,
Где я владыка своей земли.

Есть иные планеты

где ветры певучие тише

Где небо бледнее травы тоньше и выше

Где прерывисто льются переменные светы

Но своей переменностью только ласкают

смеются

Есть иные планеты

Где мы были когда-то

Где мы будем потом

Я возглас боли, я крик тоски.

Я камень, павший на дно реки.

Я тайный стебель подводных трав.

Я бледный облик речных купав.

Я легкий призрак меж двух миров.

Я сказка взоров. Я взгляд без слов.

Я знак заветный, — и лишь со мной

Ты скажешь сердцем: "Есть мир иной".

* * *

Заходящее солнце уходило за море.
Сердоликовый цвет в небесах был разлит.
И шумело мне море в многопенном узоре:
Вот ты прибыл в святую страну пирамид.

Желтизна побережья отшумевшей столицы,
Где багряные сказки в столетьях зажглись.
Над преддверьем в Египет — длиннокрылые
птицы.

Вот откроется Нил! Да, я твой Озирис.

* * *

Я знаю людей с голубыми глазами,
Я знаю, что принято думать о них.
Но это молчание неба над нами
Не есть ли горящий безмолвием стих?
Не стих, а поэма о том, что безбурность
Все видит всё знает всегда глубина,
И молча твердит нам: "Безбурность,
Безбурность!
Я лучше, чем буря. Я счастье сна".

* * *

Я мечтою ловил уходящие тени.
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес до Земли.

Чем я выше всходил, тем сильнее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
И всё выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

* * *

Вечер. Взморье. Вдохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воеет в бездне вод.

Мы шли в золотистом тумане
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом океане,
Как тонут во мгле корабли.

Нам снились видения рая,
Чужие леса и луга,
И прочь от родимого края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользящим взглядом
К пределам безвестной земли,
Дышали с тобою мы рядом,
Но был я как будто вдали.

И лгали нам ветры и тучи,
Смеялись извивы волны,
И были так странно певучи
Беззвучные смутные сны.

И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле,
И звезды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

Течёт она течет она
Река Сладим течет
Как радость сна идет весна
Утрачен веснам счет

Разъялся лед нежна тоска
Ключ бездны заиграл
Помчала всех Сладим-река
Белеет влажный вал

Он хлещет всех нас всех он взял
Мы все в огне скользим
Он мечет крутит пьяный вал
Течет река Сладим

Радуйся — Сладим-река Сладим-река течет

Радуйся — в Сладим-реке в Сладим-реке есть мед

Радуйся — к Сладим-реке к Сладим-реке прильнем

Радуйся — с Сладим-рекой Сладим-рекой

мы в рай войдём

Радуйся — Сладим-река поит и кормит всех

Радуйся — Сладим-река смывает всякий грех

Радуйся — в Сладим-реке вещанье для души

Радуйся — к Сладим-реке к Сладим-реке спеши

Радуйся — Сладим река, Сладим-река есть рай

Радуйся — в Сладим-реке Сладим-реку вбирай

Радуйся — Сладим-река Сладим-река есть мед

Радуйся Сладим-река Сладим-река зовет

Небеса были серого цвета
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы,
За огнем отгоревшего лета
Ночь пришла — сон глухой черноты,
Близ туманного озера Обер,
Там, где сходятся ведьмы на пир,
Где лесной заколдованный мир,
Возле дымного озера Обер,
В зачарованной области Вир.
Там однажды, в аллее Титанов,
Я с моею душою бродил,
Я с Психеей, с Душою бродил
В эти дни трепетанья вулканов

/ Из Эдгара По /

Волна бежит. Волна с волною слита.
Волна с волною слита в одной мечте.
Прильнув к скалам, они гремят сердито
Они гремят сердито: "Не те! Не те!"
И в горьком сне волна волне шепнула,
Волна волне шепнула: "В тебе мечта".
И плещут вновь: "Меня ты обманула"
— "Меня ты обманула. И ты — не та!"

Кто заглянет в лоно вод,
Где в прозрачности зеркальной,
В вечно близкой — вечно-дальной
Опрокинут небосвод,
Тот на миг душой поймет,
Что, как эти полутени,
Он лишь след иных видений,
Что им он уже не тот.

Тончайшие краски
Не в ярких созвучьях
А в еле заметных
Дрожаниях струн
В них зримы слияния
Планет запредельных
Непознанных светов
Невидимых лун

Воздух стал прозрачней и печальней,
Умер день, а ночь не родилась.
Из окна, в своей опочивальне,
Линь одна звезда, блеснув, зажглась

Облачком окутанная белым
Ласково глядела с высоты,
Призраком воздушно-онемелым,
Образом нетленной чистоты.

Я с тобой по берегу морскому
Я вперед безгласно уходил,
К новому, неожиданному, к другому,
К воздуху без туч и без светил

Ландыши лютики ласки любовные
Ласточки лепет лобзанье лучей
Лес зеленеющий луч расцветающий
Светлый свободный журчащий ручей
Ветра вечернего вздох замирающий
Полной луны переменчивый лик
Радость безумная, грусть непонятная
Миг невозможного, счастья миг

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая.
Целую ландыш, в мечту влюбленный.
И внемлет ветру лазурь немая, –
Я вею, млею, воздушный, сонный.

И, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

Сейчас на Севере горит луна.

Сейчас на Севере бегут олени.

Равнина снежная мертва, ясна.

От тучек маленьких мелькают тени.

На небе стынущем огромный круг.

Какие радуги, луна, ты плавишь?

Когда б на Север мне умчаться вдруг

От черно-белого мельканья клавиш!

Над синем морем ходом дня взметаем
Взметен кистями книзу обрамлён
Багряный плащ подбитый горностаем
Уток тканья закатных веретен
С кончиной дня окутано все лоно
Лазурных сил горючие цветы
Но минет час трилистник Ориона
Взметнется вкось и грянет с высоты

Над болотом позабытым брошен мост,
За болотом позабытым крики звёзд.

Там, за топью, цепеня, спит лазурь,
Затаив для дней грядущих сумрак бурь.

Неживые пропадают брызги звёзд,
И к болоту от болота брошен мост.

И одно лишь не обманет жадность бурь,
Ею дышит — с ней в объятых спит лазурь.

Ржали громы по лазури
Разоржались кони бурь
И дождавшись громкой бури
Разрумянили лазурь

Громы рдея разрывали
Крепость мраков черный круг
В радость радуги играли
Воздвигали рдяность дуг

Я как сон к тебе ходил

Оставлял свой цветик ал

Я как сон к тебе ходил

Я как луч тебя ласкал

И в живом игрании сил

Из потока выводил

Из потока из волны

Из прибрежных вязких трав

Из мятущейся волны

Из осоки и купав

Из великой глубины

К свету Солнца и Луны

Во зелёном саду

Становил тебя Сестра

Во зелёном саду

Говорил тебе Сестра

Что я век с тобой пройду
Говорил тебе нора
Есть священная игра
И луною золотой
Осиян в живом саду
Под луною золотой
Я с душою речь веду
Я с своею молодой
Мы под яблоней святой
И зеленый сад шумел
Как тебя я целовал
И зеленый сад шумел
И раскрылся цветик ал
И кружился голубь бел
В час как мир нам песню пел

/По фольклору/

Я пройду через стены домов
Я войду в сокровенность сердец
Я возстал из священных гробов
Я возстал чтобы мстить наконец
Я взлелеян кровавостью снов
Я один мученический лик
Я возстал из несчетных гробов
Я возник — я гляжу — я возник
Я хожу по изгибам умов
Я крещу их багряным огнём
Я ведун заклинательных слов;
"Я — убит — мы убиты, уьем".

* * *

Я вижу призрак Световита,

Меж облаков,

Кругом него святая свита

Родных богов

Он бросил алую Аркону,

Туман завес,

И льнет к нетронутому лону,

К степям Небес

И рог с вином им брошен в храме

И брошен лук,

И с ним несется небесами

Громовый звук

Я властно маню в глубину,
Где каждый воздушно-удвоен,
Где все причащаются сну,
Где даже уродливый строен

Тяжелая поступь живых,
Пред глубиью меняясь, слабеет,
Радение сил неземных
Незримо, но явственно реет.

Душа ощущает: "Тону",
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запевшему в вечности хору.

Ширяют ласточки над зеркалом пруда
Летят за мошками. Летают ради шулки
Плывут от берега до берега две утки
За ними длинная мерцает борозда
И вот уж кончилась игра мгновенная зыби
И день окончился. Горит одна звезда
Вечерний зов к душе. В неизвестное Туда
Но подожду ещё, к земной прикован глыбе

В этой жизни смутной
Нас повсюду ждет —
За восторг минутный —
Долгой скорби гнет

Радость совершенства
Смешана с тоской
Есть одно блаженство —
Мертвенный покой

Жажду наслажденья
В сердце победы,
Усыпи волненья,
Ничего не жди

Наклонись над колодецем, — увидишь ты там:
Словно грязная яма чернеется,
Пахнет гнилью, и плесень растет по краям,
И прозрачной струи не виднеется.

Но внизу, в глубине, среди гнили и тьмы,
Там, где пропасть темнеется мглистая,
Как в суровых объятых угрюмой тюрьмы,
Робко бьется струя серебристая.

За гранью отдаленною
Бесчисленных светил
За этой возмущенною
Толпой живых могил —
Есть ясное Безветрие
Без плачущего я,
Есть светлое Безветрие
Без жажды бытия

Там вечны сны блаженные
В прозрачной мгле мечты,
Там вечны сокровенные
Виденья Красоты
Нетленным светом нежности
Там все озарено
Там счастье Безбрежности
Где слито всё в одно

Я когда-то был сыном Земли,
Для меня маргаритки цвели,
Я во всем был похож на других,
Жил в цепях заблуждений людских.

Но, земную печаль разлюбив,
Разлучен я с колосьями нив,
Я ушёл от родимой межи
За пределы — и правды и лжи,

И в душе не возникнет упрек,
Я постиг в мимолетном намёк,
Я услышал таинственный зов,
Бесконечность немых голосов.

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждёт.

Исполинские горы,
Заповедные скалы.
Вы — земные узоры,
Вы — вселенной кристаллы.

Вы всегда благородны,
Неизменно прекрасны,
От стремлений свободны,
К человеку бесстрастны.

Вы спокойно безмолвны,
Вас не тронут рыдания,
Вы — застывшие волны
От времен Мироздания.

Как же Мир не распадется,
Если он возник случайно?
Как же он не содрогнется.
Если в нем начало тайна?

Если где-нибудь за Миром,
Кто-то мудрый Миром правит,
Отчего мой дух, вампиром,
Сатану поёт и славит?

Мы от всех путей далеки.
Мы везде найдем печали.
Мы — запутанные строки,
Раздробленные скрижали.

Я жить не могу настоящим,
Я люблю беспокойные сны,
Под солнечным блеском палящим,
И под влажным мерцанием Луны.

Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намекам струны,
Цветам и деревьям шумящим,
И легендам приморской страны.

Чей это топот? — Чей это шепот? — Чей это светится глаз?
Что это в круге? — в бешеной вьюге — пляшет и путает нас?
Чьи это крылья — в дрожи бессилья — бьются и снова летят?
Чьи это хоры? — Чьи это взоры? — Чей это блестящий
взгляд?

Чье это слово — вечно и ново — в сердце поет как гроза?
Чьи неотступно — может преступно —
смотрят и смотрят глаза?

Кто изменился — кто это свился — в полный змеиности круг?
Чьи это кони — белые кони — в дикой погоне — бегут?

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих.
Красоту позабытых могил
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал.
Не губами он к ним не приник.

Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней:
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

Остров сделай из себя,
Остров голубой.
И мгновенья не дробя,
Будь самым собой.

Мир людей — толпа акул,
Это — вражий стан.
Вбрось своей разум в мерный гул,
Слушай Океан.

Помни: даже и Потоп
Бережет ковчег.
Жизнь людей — безмерный гроб,
Стань на тихий берег.

Не покинет луч тебя,
Будет сон с тобой.
Остров сделай из себя,
Остров голубой.

Пойду в долины сна,
Там вкось растут цветы.
Там падает Луна
С бездонной высоты.

Вкось падает она,
И все не упадет.
В густых долинах сна
Густой дурман растет.

И странная струна
Играет без смычков.
Мой ум — в долинах сна.
Средь волн без берегов.

Но только в Индии святой

Всё понял я впервые: —

Тем полдень — вечно золотой,

Там розы — голубые.

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Тонкостенные стебли растут.
Как спокоен зеленый их взгляд.
Как они бестревожно цветут.

Безглагольно глубокое дно,
Без шуршанья морская трава.
Мы любили, когда-то, давно,
Мы забыли земные слова.

Самоцветные камни. Песок.
Молчаливые призраки рыб.
Мир страстей и страданий далек.
Хорошо, что я в Море погиб.

В моем саду цветет дурман
И амариллис — белладонна.
В нем воздух странно полупьян,
В нем разум мыслит полусонно.
Поет мечтанье многозвонно.
Мне новолунной ночью дан
Миг чарованья, усыпления,
Здесь самый воздух точно пенье,
И у деревьев женский стан.

Улетели священные ибисы,
Не алеют озёра фламингами,
Пронеслись австралийские лебеди,
Апокалипсис птичий свершен.
И не скажут о Духе нам голуби.
Не расскажут нам детского ласточки,
Только где-то поют пересмешники.
Перепев, перезвук, перезвон.

Не восходят над Нилом папирусы,
Не приветствуют Горуса лотосы,
Только пепельно-черные ирисы
Расширяют испуганный глаз.
Да кровавятся тени закатные,
Расцветают пустыню вечернюю,
И о Сфинксе, когда-то вещательном,
На песках вышивают рассказ.

БЛОК

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце — надежды нездешние,
Волны бегут на песок,

Отзвуки, песня далекая,
Но различить — не могу.
Плачет душа одинокая
Там, да другом берегу.

В сердце — надежды нездешние,
Кто-то навстречу — бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

Дома растут как желанья
Но взгляни внезапно назад
Там где было белое здание
Увидишь ты черный смрад

Так все вещи меняют место
Неприметно уходят ввысь
Ты Орфей потерял невесту
Кто шепнул тебе — "Оглянись"?

Я закрою голову белым
Закричу и кинусь в поток
И всплывет, качнется над телам
Благовонный речной цветок

В полночь глухую рождения
Спутником бледным земли
В ткани земли облеченная
Ты серебрилась вдали
Шел я на север безлиственный
Шел я в морозной пыли
Слышал твой голос таинственный
Ты серебрилась вдали
В полночь глухую рождения
Ты серебрилась вдали
Стала душа угнетенная
Тканью морозной земли

Запевающий сон, зацветающий цвет,
Исчезающий день, погасающий свет.
Открывая окно, увидел я сирень.
Это было весной — в улетающий день.
Раздышались цветы — и на темный карниз
Передвинулись тени ликующих риз.
Задышалась тоска, занималась душа,
Распахнул я окно, трепеща и дрожа.
И не помню — откуда дохнула в лицо,
Запевая, сгая, взошла на крыльцо.

Зарево белое, желтое, красное.

Крики и звон вдалеке.

Ты не обманешь, тревога напрасная,

Вижу огни на реке.

Заревом ярким и поздними криками

Ты не разрушишь мечты.

Смотрится призрак с очами великими

Из-за людской суеты.

Смертью твоею натешу лишь взоры я,

Жги же свои корабли!

Вот они — тихие, светлые, сонные —

Мчатся ко мне издали.

Странных и новых ищу на страницах
Старых испытанных книг,
Грежу о белых исчезнувших птицах,
Чую оторванный миг.

Жизнью шумящей нестройно взволнован,
Шопотом, криком смущен,
Белой мечтой неподвижно прикован
К берегу поздних времен.

Вечереющий сумрак, поверь.
Мне напомнил неясный ответ.
Жду — внезапно отворится дверь,
Набежит исчезающий свет.
Словно бледные в прошлом мечты,
Мне лица сохранились черты
И отрывки неведомых слов,
Словно оклики прежних миров.

Верю в Солнце Завета
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.
Всё дышавшее ложью
Отшатнулось дрожа.
Предо мной —
к бездорожью
Золотая межа.
Заповеданных лилий
Прохожу я леса
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.
Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета.
Вижу очи Твои

Я живу в отдаленном скиту
В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.

Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы,
— Та, монахиня, верно, умрет.

Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и накрыла Псалтирь,
На страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она.

Вкруг лица улыбалась печаль,

Долетали слова от окна,

Но сквозила за окнами даль.

Уплывали два белых цветка

— Эта легкая матовость рук...

Мне прозрачная дева близка

В золотистую осень разлук...

Но живу я в далеком скиту

И не знаю для счастья границ.

Тишиной провожаю мечту,

И мечта воздвигает Царицу.

Я вышел в ночь узнать понятия
Далекий шопот тихий ропот
Несуществующих принять
Поверить в мнимый конский топот
Дорога под луной бела
Казалось наполнилась шагами
Там тихо чья-то тень брела
И опустилась за холмами
И слушал я и услышал
Среди дрожащих лунных пятен
Далеко звонко конь скакал
И легкий посвист был понятен
Но здесь и дальше ровный звук
И сердце медленно боролось
О как понятия откуда стук
Откуда будет слышен голос
И вот слышнее звон копыт
И белый конь ко мне несется
И стало ясно кто молчит
И на пустом седле смеется
Я вышел в ночь узнать понятия
Далекий шопот тихий ропот
Несуществующих принять
Поверить в мнимый конский топот

Ужасен холод вечеров,
Их ветер, бьющийся в тревоге,
Несуществующих шагов
Тревожный шорох на дороге.

Холодная черта зари,
Как память близкого недуга
И верный знак, что мы внутри
Неразмыкаемого круга.

Мы всюду Мы нигде Идем
И зимний ветер нам навстречу
В церквах и в сумерки, и днем
Поет и задувает свечи

И часто кажется — вдали
У темных стен, у поворота
Где мы пропели и прошли
Еще поет и ходит кто-то

На вечер зимний я гляжу
Боюсь понять и углубиться
Бледнею. Жду. И не скажу
Кому пора пошевелиться

Я знаю все. Но мы вдвоем
Теперь не может быть и речи
Что не одни мы здесь идем
Что Кто-то задувает свечи

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то светит месяц? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула — погасла, не видать во мраке.
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгновенно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять — во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь летит рысак.

ФЕТ

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только редко люблю я...
Чаще всего мне приятно скользить по заливу
Так — забываясь
Под звучную меру весла,
Омоченного пеной шипучей...
Да смотреть много ль отъехал
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...

Там, под оливами, близ шумного каскада,
Где сочная трава унизана росой,
Где радостно кричит веселая цикада
И роза южная гордится красотой,

Где храм оставленный подъял свой купол белый
И по колоннам вверх кудрявый плющ бежит, —
Мне грустно: миг богов, теперь осиротелый
Рука невежества забвением клеймит.

Вотще... В полночь, как соловей восточный
Свистал, а я бродил незримый за стеной,
Я видел: грации сбিরались час урочный
В былой приют заросшею тропой.

Но в плясках ветреных богини не блистали
Молочной пеной форм при золотой луне;
Нет, — ставши в тесный круг, красавицы шептали...
"Эллада" — слышалось мне часто в тишине.

Любо мне в комнате ночью стоять
у окошка в потемках,

Если луна с высоты прямо глядит на меня

И, проникая стекло, нарисует квадраты лучами

По полу, комнату всю дымом прозрачным поя,

А за окошком в саду, между листьев сирени и липы,

Черные группы деля, зыбким проходит лучом

Между ветвями — и вниз ее золоченые стрелы

Ярким стремятся дождем, иль одинокий листок

Лунному свету мешает рассыпаться по земли, сам же,

Светом осыпанный весь, черен, дрожит на тени.

Я восклицаю: блажен, трижды блажен, о Диана,

Кто всемогущей судьбой в тайны твои посвящен...

Буря на небе вечернем
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы
Много мучительных дум

Буря на море и думы
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей
Моря сердитого шум.

Сны и тени, —
Сновидения,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпления
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спуститься
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода,
Тени станем мы прозрачными
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца.
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Измучен жизнью коварством надежды
Когда им в битве порой уступаю
И днем и ночью смежаю вежды
И как-то странно порой прозреваю
Еще темнее мрак жизни всемирной
Как после ясной осенней зарницы
и только в небе как зов задушевный
Сверкают звезд золотые ресницы
И так прозрачна огней бесконечность
И так доступна вся бездна эфира
Что прямо смотрю я из времени

в вечность

И пламя твое узнаю солнце мира
И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится
В его дыму как в творческих грёзах
Вся сила дрожит и вся вечность снится
И все что мчится по безднам эфира
И каждый луч плотской и бесплотный
Твой только отблеск о солнце мира
И только сон только сон мимолетный

Молятся звезды мерцают и рдеют
Молится месяц плывя по лазури
Легкие тучки свиваясь не смеют
С темной земли к ним протягивать бури

Видны им наше томленье и горе
Видны страстей неподильные битвы
Слезы в алмазном трепещут их взоре
Все же безмолвно горят их молитвы

Мне снялся сон, что сплю я непробудно,
Что умер я и в грезы погружен,
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тень наваял этот сон.

Я счастья жду, какого сам не знаю,
Вдруг — колокол — и все уяснено!
И, просияв душой, я понимаю,
Что счастье в этих звуках, вот оно!

И звуки те прозрачнее, и чище,
И радостнее всех голосов земли;
И чувствую: на дальнее кладбище
Меня под них, качая, понесли.

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И на волне ликующего звука
Умчаться в даль, во мраке потонуть.

Полуночные образы реют,
Блещут искрами ярко впотьмах;
Но глаза различить не умеют,
Много ль их на туманных крылах.

Полуночные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,
И всплывают, и стонут, и тонут;
И о чем это стонут оне?

Полуночные образы воют,
Как духов испугавшийся пес.
То нахлынут и бездну откроют,
Как волна обнажает утес.

Каждое чувство бывает понятней мне ночью
и каждый

Образ пугливо-немой

дольше трепещет во мгле;

Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,

Книгу держу я в руках, сам, пробегая в уме

Всё невозможно-возможное, странно-бывалое...

Лампа

Томно у ложа горит, месяц смеется в окно,

А в отдалении колокол вдруг запоет — и тихонько

В комнату звуки плывут; я предаюсь им вполне.

Сердце в них находило всегда какую-то влагу,

Точно как будто росую омыты они.

Звук все тот же поет, но с каждым порывом иначе:

То в нем меди тугой более, то серебра.

Странно, что ухо в ту пору, как будто не слушая,

слышит;

В мыслях иное совсем,

думы — волна за волной...

А между тем еще глубже сокрытая сила объемлет

Лампу, и звуки, и ночь, их сочетавши в одно.

Так между влажно-махровых цветов

снотворного маку

Полночь, роняет порой тайные сны наяву.

II часть
ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Канала устье нам двоим предстало
Мое унес ты сердце в Гелиополь
И я ушла с тобой к деревьям рощи
Всевышнему владыке посвященной

С деревьев солнечного Бога
Срываю ветвь себе на опахало
Лицом я обернулась к роще
И в сторону святилища гляжу

Отяжелив густым бальзамом кудри
Наполнив руки ветками персеи
Себе кажусь владычицей Египта
Когда сжимаешь ты меня в объятьях

Переводчик: В. Потапова

Согласно плещут весла нашей барки
По Нилу вниз плыву с вязанкой тростника
В Мемфис хочу попасть и богу Пта взмолиться
Любимую дай мне сегодня ночью

Река — вино
Бог Пта — ее тростник
Растений водяных листья — богиня Сехмет
Бутоны их — богиня Иарит
Бог Нефертум — цветок

Блистая красотой ликует Золотая
И на земле светло. Вдали Мемфис
Как чаша с померанцами поставлен
Рукою Бога

ИЗ "ПЕСНИ ПЕСНЕЙ"

Прекрасна ты милая как столица
Хороша как Иерусалим
И грозна как полк знаменный
Отведи от меня глаза
Что меня победили
Твои волосы как стадо коз
Что сбегают с гор Галаадских
Твои зубы как стадо овец
Возвращающихся с купанья
Родила из них каждая двойню
И нет среди них бесплодной
Как разлом граната твои щеки из-под фаты

Перевод Дьяконова

Встала милому отворять я
а с рук моих капала мирра
С пальцев текучая мирра
на скобы засова
Отворила я милому
а милый пропал сокрылся
От слов его дух мой замер
Я искала его не находила
Плакала — он мне не ответил
Повстречали меня стражи
обходящие город
Изранили меня, избили
Стражи стен городских
сорвали с меня покрывало

Заклинаю вас, девушки Иерусалима
Если встретится вам мой милый
Что вы скажете ему? Скажите,
что я любовью больна

ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

Твои губы влажны Властитель силы
Несравненны дела твои Многомошный
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас Индра богатый дарами

Усыпи сменяющих друг друга стражей
Пусть заснут они оба сном непробудным
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас Индра богатый дарами

Раздави скорее осла о Индра
Который ревет нам на погибель
Тысячами коров и коней красивых
Одари нас Индра богатый дарами

/ Гринцер /

Когда журавлиха, завидев черную тучу,
Расправляет ослепительно-белые крылья
И в страхе, стремясь укрыться от ливня,
летит к скалам
Аджакарани-река бывает тогда так прекрасна!

Когда журавлиха, завидев черную тучу,
Взмывает вверх, белизною слепящей сверкая,
и в страхе, не зная где скрыться,
расселину ищет,
Аджакарани-река бывает тогда так прекрасна

Да и как тут в восторг не придти
От раскидистых джамбу,
Что украшают берег реки
За моею пещерой

/ Алиханова /

Хорошо должно быть в лесу
Бродить совсем одному
Чтоб не было никого
Ни впереди ни сзади

Решено Я уйду один
В лес прославленный Буддой
Благодатнее места нет
Для сильного духом бхикшу

Объятый стремлением к цели
Войду в прекрасную рощу
Где любят резвиться слоны
Где радость вкушают йоги

ОМАР ХАЙЯМ

* * *

Все что видим мы видимость только одна
Далеко от поверхности мира до дна
Почитай несущественным явное в мире
Ибо тайная сущность вещей не видна

* * *

Даже самые лучшие в мире умы
Не смогли разогнать окружающей тьмы
Рассказали нам несколько сказочек на ночь
И отправились мудрые спать как и мы

* * *

Удивленья достойны поступки творца
Переполнены горечью наши сердца
Мы уходим из этого мира не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца

* * *

Круг небес ослепляет нас блеском своим
Ни конца, ни начала его мы не зрим
Этот круг недоступен для логики нашей
Мерой разума нашего неизмерим

* * *

Тот кто следует разуму — доит быка
Умник будет в убытке — наверняка
В наше время доходней валять дурака
Ибо разум сегодня в цене чеснока

* * *

Пей будет много бед пока твой век не прожит
Течение планет не раз людей встревожит
Когда умрем — наш прах пойдет на кирпичи
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит

* * *

Один телец парит высоко в небесах
Другой своим хребтом поддерживает прах
А между их хребтами посмотрите
Какое множество ослов пасет Аллах!

* * *

Жестокий этот мир нас подвергает смене
Безвыходных скорбей, безжалостных мучений
Блажен, кто побыл в нем недолго и ушел,
А кто не приходил совсем, еще блаженней.

ВАН ВАНЬ

693 — 751

На лодке в верховья реки Янцзы
Плыву вдоль синих гор
Большой прилив затопил берега
Бескраен речной простор

И кажется так разлилась река
Что нет берегов нигде
Под легким парусом я плыву
По зеленоватой воде

Рожденное морем солнце взошло
Как рано весна пришла
Как будто продолжила прошлый год
А новый не начала

В. Шефнер

ЦИН-ГУАНЬ

1049 — 1110

Опьянев, я грести перестал.
Пусть относит мой челн волною
Вдаль, к зовущим меня цветам.

Но житейская суета,
Что с природою не в ладу,
не даст задержаться там.

Крылья белый туман распластал,
И на тысячи ли над водою
Полыхает огнем закат.

Всюду горы в этих местах.
Словно розовый дождь с высоты,
Осыпаясь летят цветы,
И мой челн затерялся в цветах.

ЧЖУ ДУНЬЖУ

12 век

Я поднимаюсь на башню,
Высокую башню Цзиньлина.
Осень меня обступила
Светом и тишиною.
Холодным огнем пылают
Земля и реки лавина —
Багровый разлив заката
На тысячу ли предо мною.

ЛИ ЦИНЧЖАО

12 век

Вижу снова простор голубой,
Над беседкою тихий закат,
Мы совсем опьянели с тобой,
Мы забыли дорогу назад.

Было счастье и кончилось вдруг!..
В путь обратный пора нам грести,
Только лотос разросся вокруг,
Всюду лотос на нашем пути.

СИНЬ ЦИЦЗИ

1140 — 1207

Если б с ветром вспорхнуть
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли
И, свершая свой путь,
Мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали;
Если б мог я срубить
На луне гуйхуа
С беззаботно звенящей листвой,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
"Как нам стало светло под луной!"

На каждой ветке — яркий свет луны,
Сороки потревоженной полет.
И ветра вздох. И в мире тишины
Цикада-полуночица поет.

Неярких звезд светильники зажглись
На небосклоне где-то далеко.
Вдруг капли дождевые сорвались
Перед горой с бегущих облаков.

ЧЖУ ЦЮНЯН

Не пройдут морозящие тучи
Через реку, где стынет мост.
Под восточным ветром колючим
Все продрогло на тысячи верст.

Нет, не буду терзаться очень,
Поскорей с балкона уйду,
Чтоб не видеть, как поздно ночью
Мэйхуа замерзает в саду.

ЛИ ИННО
(1152 — 1220)

Над грядой Турюсана
Облака на закате повисли.
Сотни скал и ущелий
Не уступят Гуйцзы красотою
К журавлиной долине,
Взявши посох, ищу я дорогу,
В дальней чаще безлюдье,
Только слышно — кричат обезьяны.

Еле видимы башни
Трех священных вершин в отдаленье,
Затерялись под мхами
Разных надписей древние знаки.
Хоть спросил я сначала,
Как найти мне источник блаженных,
Всё же сбился с дороги
Средь ручьев, лепестками покрытых.

/ Ю. Кроль /

НАНЬ ЦЯНЬ

В смутном сне за листьями дриандры
Спящая душа всю ночь гонялась
Словно бабочка она летала
Их в саду осеннем не осталось

Вот на жертвенный алтарь звездою
Огонек блуждающий нисходит
И висят призывы к душам мертвых
В этом храме царственном при входе

Вырезаны деньги из бумаги
А из шелка тонкого знамена
Гибки сосны, как усы у древних
Тих и бледен свет луны склоненной

И монах дорогу открывает
В город тех, кто умер от мучений
А блуждающие души стонут
Стужею напуганы осенней

/ И. Павлович/

БАСЕ

Вечерним вьюнком
я в плен захвачен... Недвижно
Стою в забытьи.

/ В. Маркова /

В мареве майских дождей
Только один не тонет
Мост над рекой Сэ́та.

Волна на миг отбежала.
Среди маленьких раковин розовеют
Лепестки опавшие хаги.

ФУДЖИВАРА-НО-КИНТО

XI век

Водная пена
Здесь исчезает,
Там восстает.
Так в этом мире
Бродим и мы

/ Бальмонт /

МИНАМОТО-НО-ТАМЭИОСИ

XI век

Будь я Луною,
Что там заходит
За горный гребень,
Я б не вернулся в печальный мир

Часть III

САПФО

Вы сюда к пещере критяне мчитесь
К яблонево́й роще к священным нимфам
Где над алтарями клубится облак
Смол благовонных

Где звенит в прохладе ветвей серебристых
Гулкий ключ, где розы нависли сенью
И с дрожащих листьев струится сонно
Томная дрема

Там на луговине цветущей стадо
Веет ароматами трав весенних
Сладостным дыханьем аниса льется
Вздох медуницы

Ты любила там пировать Киприда
В золотые кубки рукою нежной
Разливая нектар богов напитков
Благоуханный

/ Голосовкер /

Венком охвати

Дика моя

волны кудрей прекрасных

Нарви для венка

нежной рукой

свежих укропа веток

Где много цветов

тешится там

сердце богов блаженных

От тех же они

кто без венка

прочь отвращают взоры

/ В. Вересаев /

ЧИРО ДИ ПЕРС

1593 — 1663

По рекам плыть, пересекать дубравы,
Всходить на склон, отвесный, как скала,
Обуздывать лихого скакуна,
В чужой земле искать чужие нравы;

Сквозь тернии спешить через канавы,
Следя медведя или кабана,
Вонзать в пучину моря киль челна,
За дерзкий вызов не боясь расправы;

Стихии противостоять в борьбе,
Потеть с ливийцем, мерзнуть с московитом,
Чтоб ни случилось — не пенять судьбе;

Пить из ручья и быть дубравой сытым,
и, если только крепок дух в тебе,
Ты этот путь найдешь всегда открытым.

/ Е. Солопович /

ДЖИРОЛАМО ФОНТАНЕЛЛА

1610 — ок.1644 г.

К жемчужине

Прибоем эритрейским рождена,
Ты горной красоты чаруешь око,
Бесценный дар богатого востока,
Ты из росы природой создана.

Твоим лучом озарена волна,
Тебя на дне таившая до срока,
Твой мягкий свет богиня чтит высоко,
В твою улыбку нимфа влюблена.

Сверкающую белизной росистой,
Рожденную подводной тишиной
Тебя нельзя представить водянистой.

Без пятнышка, сияя красотой,
На суд небесный ты приходишь чистой,
Невеста под воздушною фатой.

/ Р. Солопович /

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН

О, города Евфрата!
О, улицы Пальмиры!
Леса колонн среди пустынь великих.
Что стало с вами?
Когда переступили вы
Положенные смертным рубежи;
Пожрал вас яростный огонь,
Низвергнутый с небес;
Вы превратились в дым
А я теперь сажу под облаками
Недвижными, спокойными, под сенью
Раскидистых дубов,
Где бродит лань, и чуждыми
И мертвыми мне кажутся
Блаженные духи.

/ Е. Эткинд /

В диких розах,
С желтыми грушами никнет
Земля в зеркало зыби,
О лебеди, стройно
И вы, устав от лобзаний,
В священную трезвость вод
Клоните главы,
А ныне где я найду
В зимней юдоли цветы — о, где
Свет, и тепло
И тени земли?
Стынет в молчанье
Крепость. В ветре
Скрежещет флюгер.

/С Аверинцев/

Вдохновенье мы с тобой
Входим словно в тишь могил
И плывем с твоей волною
В тихой радости без сил
Но когда зовут нас Оры
С новой гордостью встаем
И горим, как звезд узоры
В кратком сумраке ночном

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

И. Канту

Следил я за Тобой в глуби лазури,
В голубизне, где скрылся Твой полет;
Покинутый, остался я средь бури,
Но Твой глагол мне утешенье шлет.

Твоим глаголом вопреки судьбине
Одушевить пытаюсь времена,
Среди чужих томлюсь я на чужбине:
Пустынен мир и слишком жизнь длинна.

/ В. Микушевич /

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ

Приляг на отмели. Обеими руками
Горсть русого песка, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев течь.
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Бурлящих волн морских
 да ветра трепет пленный,
И ты почувствуешь, как тает постепенно
Песок в твоих руках. И вот они пусты,
Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты
Лишь горсть песка,
 что жизнь порывы волн мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных.

КАРЛ ЦУКМАЙЕР

Ночной порой, склонясь к огню сутуло,
В окно я глянул мельком — и тогда
Передо мной внезапно промелькнула
Неведомая мне звезда.

Упала в мой очаг и в стылом пепле
Зелёной каплей стала налитой.
Мои глаза на краткий миг ослепли,
И захлебнулось сердце немотой.

Исчезло всё — едва я поднял веки,
взялось — откуда? И ушло куда?
Но для меня горит навеки
Ненареченная звезда.

/ Е. Витковский /

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

Мы — лишь наречье, на котором Он
Или Оно со времени Адама
Ведет сумбурный перечень, куда мы
зачем-то включены. В него внесен

Рим, Карфаген, и ты, и я, и сон
Моих непостижимых будней, драма
Быть случаем, загадкой, криптограммой
И карою, постигшей Вавилон,

Но за словами — то, что внесловесно.
Я понял тягу к этой тьме безвестной
По синей стрелке, что устремлена

К последней неизведанной странице
Часами из кошмара или птицей,
Держащей путь, не выходя из сна.

/ В. Дубинин /

ЧАСТЬ IV

МАЛЛАРМЕ

Лебедь

Могучий девственный в красе извивных линий
Готовый нас пронзить внезапным взмахом крыл
Прозрачный гладкий лёд стремясь в полет застыл
На давнем озере возник одетый в иней

О лебедь прежних дней в порыве гордой муки
Он знает что ему не взвиться не запеть
Не создал в песне он страны чтоб улететь
Когда придет зима в сиянье белой скуки

И шею белизной агонии свело
Даль недоступная — как это тяжело
Куда страшней земли, где смерзлось оперенье

И призрак явленный, сияющий фантом
Застыл в насмешливом морозном сновиденье
Одетый холодом в сиянии своем

/ М. Волошин, Р. Дубровкин

/

Очнулся колокол и ветер чуть колышет
Лаванду и чабрец в рассветном холодке
И молится дитя и всё покоем дышит
А наверху звонарь с веревкою в руке

Он ждет когда над ним последний круг опишет
Ослепший гомон птиц — в безвыходной тоске
Латинские стихи бормочет и не слышит
Как чуден благовест плывущий вдалеке

Вот так и я всю ночь во славу Идеала
С молитвою звонил во все колокола
И смутным отзвуком мне отвечала мгла
И стая прошлых бед покоя не давала

И верь мне, сатана, я силы соберу
В безмолвии повешусь поутру

Ж. РОДЕНБАХ

О нежность вечера О полумрак осенний
Как смерть безбольная кончается закат
По стенам к потолку карабкаются тени
И дремлют комнаты и лампы не горят

Как смерть беззлобная с отрадною улыбкой
Приходят сумерки И в глубину зеркал
Ты отступаешь сам и странен образ зыбкий
И кажется, что он не жил, не умирал

Картины темные висят на белых стенах
Пейзаж задумчивый — пейзаж твоей души
Как будто черный снег все падает в тиши
Там, в долгих сумерках печально-неизменных

/ Ю. Денисов /

СЭСИЛ ДЕЙ ЛЬЮИС

Клен и сумах вдвоем над осенью парят
Взгляни их письма так ярко заалели
За эти изжелта-багровые недели
Из всех закатов ткнут они земле наряд
Вам листья кровь дана от целой жизни года
Какой с востока плыл фламинговый восход
Какой закат стекал по кронам целый год
Чтоб в славу хрупкую одела вас природа
И человек как лист однажды упадет
Снаружи пепельный внутри кровоточащий
Осенний отсвет многоцветной чащи
Немыслим в тупике где он конец найдет

/ И. Озерова /

КАРЕЛ ВАН ДЕ ВУАСТЪЕ

Плод падающий — там в тиши неоскверненной
где медлю я, где ночь склоняет пышный свод
и время замерло. Над неподвижной кроной
звезда не промелькнет жемчужиной зеленой
Всё сторожит твоё паденье, плод.

Плод
у черты времен и жизни истомленной
что воздуха бледней, полней небесных вод
щедрее снов, где свет играет затаенный
я знаю — там в ночной листве замороженной
плод падает... И сердце тоже плод
что упадет.

/ Н. Мальцева /

День переходит в День, как запах роз пьянящий
Ты не ослеп о нет среди пустой тиши
сквозь занавес часов ты видишь свет скользкий
и вечность чьи дары познать не в силах ты

На образах что спят не проникая в мысли
останови, беглец, стремленье нищих глаз
там в бездне бездн твоих где глыбы слез нависли
лежит, неогранен, бесценный твой алмаз

МАРИО ДЕ СА-КАРИЕЙРО

Чуть больше солнца — стал бы жаркой пылью.

Чуть больше неба — я бы в нем исчез.

Не донесли надломленные крылья

всего на взмах до голубых небес.

Как больно непрерывное "почти"!

Мне счастье лишь на миг один сверкнуло,

и всё утрачено: крыло взмахнуло,

но не сумело к небу вознести.

Я погубил все храмы, где когда-то

колени преклонял у алтаря...

Реке не суждено уйти в моря, —

о, как горька подобная расплата.

С порт. Е. Витковский

АНТОНЕН АРТО

Дай нам родиться в чреве звёздном
Чьи бездны шквал изрешетил
Чтоб ужас нашу плоть пронзил
Когтем каленым смертоносным

Рассыпь рассыпь нас уничтожь
Рукою огненной стихии
Открой нам своды огневые
Где смерть ещё страшней чем смерть

Наш хилый ум дрожать заставь
На лоне собственного знания
И в новой буре мирозданья
Нас от сознания избавь

/ А. Парин /

ПОЛЬ ПАЛЬЖЕН

С протяжным кряканьем переплывая тишь
осенних сумерек и рассекая чуткий
ноябрьский мелкий дождь, кочующие утки,
шурша, спускаются на гребни мокрых крыш.

Потом усевшись в ряд и как бы обрамляя
живую лентою застрехи и коньки,
переселенцы спят; пронзительно горьки
их крики редкие, тосклива даль пустая.

Печален небосклон, где ветер волновой,
рождаясь, ворошит дырявые деревья
и вдруг на всем лету врезается в кочевье
забрасывая птиц взметенною листвою.

И птицы, с высоты сорвавшись тяжело,
слетают в озеро, в котором зеленеет,
дробится блестками и снова цепенеет
велюровой воды вечернее стекло.

/ Д. Веденяпин /

ЧАСТЬ V

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты зелёная моя, кудрявая!
Ты когда взошла, когда выросла?

Я весной взошла, летом выросла.

Ты когда цвела, когда цвет опал?

Я по зорям цвела, с полдня цвет опал.

Из тебя ли же, из дубровушки
Все пташечки вон вылетывали.
Одна пташечка осталася,

Горемычная горька кукушечка.

/ Русский фольклор /

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Река времен в своем стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

А если что и остается
Чрез звуки, лиры и трубы
То вечности жерлом пожрется
И общей же уйдет судьбы.

ТЮТЧЕВ

Есть некий час в ночи всемирного молчанья

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес

Тогда густеет ночь как хаос на водах

Беспамятство как Атлас давит сушу

Лишь музы девственную душу

В пророческих тревожат боги снах

Когда пробьет последний час природы

Состав частей разрушится земных

Все зримое опять покроют воды

И Божий лик изобразится в них

Душа моя — Элизиум теней

Теней безмолвных светлых и прекрасных

Ни помыслам години буйной сей

Ни радостям ни горю не причастных

Душа моя — Элизиум теней

Что общего меж жизнью и тобою!

Тени сизые сместились,
Цвет поблекнул, звук уснул
— Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул,
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой...
Всё во мне и я во всем..
Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души.
Тихий, темный, благовонный,
Всё залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край...
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай.

Как дымный столп светлеет в вышине! —

Как тень внизу скользит неуловима!..

"Вот наша жизнь, — промолвила ты мне,

Не светлый дым, блестящий при луне,

А эта тень, бегущая от дыма..."

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой...

Таинственно, как в первый день создания,
В бездонном небе звёздный сонм горит,
Музыки дальней слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул,..
Над спящем градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?
Или смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Роится в хаосе ночном?..

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой?
То глухо жалобно, то шумно
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!

Из смертной рвется он груди
И с беспредельным жаждет слиться
О, бурь заснувших не буди
Под ними хаос шевелится!

Как океан объемлет шар земной

Земная жизнь кругом объята снами

Настанет ночь — и звучными волнами

Стихия бьет о берег свой

То глас ее он нудит нас и просит

Уж в пристани последний ожил челн

Прилив растет и быстро нас уносит

В неизмеримость темных волн

* * *

Ночное небо так угрюмо
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотраднЫй сон.

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг в небе вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса,

И вот опять всё потемнело,
Всё стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

КАРОЛИНА ПАВЛОВА

Это было блестящее море
Тока синего пели струи
Пели стройно в безбрежном просторе
Точно зная про думы мои

Там вдали где вставала денница
Зыбь чертою лилась золотой
Через глубь белокрылая птица
К полосе уносилась той

И твердила я с пением тока
Что забуду умчавшись туда ж
О всей муке борений без прока
О всей горести жизненных чаш

К ужасающей пустыне
Приведен путем своим
Что мечтою ищет ныне
Утомленный пилигрим?

В темноте полярной ночи
Позабыт и одинок
Тщетно ты вперяешь очи
На бледнеющий восток

Тщетно пышного рассвета
Сердце трепетное ждет
Пропадет денница эта
Это солнце не взойдет

А. К. ТОЛСТОЙ

Среди дубравы

Блестит крестами

Храм пятиглавый

С колоколами

И звон призывный

Через могилы

Гудит так дивно

И так уныло

К себе он тянет

Неодолимо

Зовет и манит

Он в край родимый

В край благодатный

Забытый мною

И непонятной
Томим тоскою
Молюсь и каюсь
И плачу снова
И отрекаюсь я
от дела злого
Далеко странствуя
Мечтой чудесной
Через пространства я
Лечу небесные
И сердце радостно
Дрожит и тает
Пока звон благостный
Не замирает

КОНСТАНТИН СЛУЧЕВСКИЙ

В немолчном говоре природы,

Среди лугов, полей, лесов

Есть звуки рабства и свободы

В великом хоре голосов

Коронки всех иван-да-марий,

Вероник, кашек и гвоздик

Идут в стога, в большой гербарий,

Утратив каждая свой лик

Каждую весною в тот же самый час

Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз

Будет, будет время солнце вновь придет

Нас здесь не увидит и других найдет

И с терпеньем ровным будет им светить

Помогая чахнуть и ничем не быть

В чудесный день высь неба голубая

Была светла,

Звучали в церкви, башню потрясая,

Колокола.

И что ни звук, то новые виденья

Бесплотных сил...

Они свершали на землю схожденье

Поверх перил.

Они, к земле спустившись, отдыхали

Вблизи, вдали...

И незаметно, тихо погасали

В тених земли...

И я не знал под обаяньем звона,

Что звук, что свет?

Для многих чувств нет меры, нет закона

И прозвищ нет.

ВЛ. СОЛОВЬЕВ

Мыслей без речи и чувств без названия

Радостно-мощный прибой.

Зыбкую насыпь надежд и желания

Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,

Синее море вдали

Крылья души над землей поднимаются,

Но не покинут земли

В берег надежды и в берег желания

Плещет жемчужной волной

Мыслей без речи и чувств без названия

Радосто-мощный прибой

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей

Неподвижные тучи висят.

И прощальным убором листвы золотой

И березы и липы сквозят.

Душу обняли нежно-тоскливые сны,

Замерла бесконечная даль;

И роскошно-блестящей и шумной весны

Примиренному сердцу не жаль.

И как будто земля, отойдя на покой,

Погрузилась в молитву без слов,

И спускается с неба невидимый рой

Бледнокрылых, безмолвных духов.

Милый друг, иль ты не видишь
Что все видимое нами
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий –
Только оклик искаженный
Торжествующих созвучий?

К. ФОФАНОВ

Вселенная во мне и я в душе вселенной

Сроднило с ней меня рождение мое

В душе моей горит огонь ее священный

А в ней всегда мое разлито бытие

Покуда я живу вселенная сияет

Умру со мной умрет бестрепетно она

Мой дух ее живит и согревает

И без него она ничтожна и темна

У поэта два царства — одно из лучей

Ярко блещет — лазурное, ясное

А другое безмесячной ночи темней

Как глухая темница ненастное

В темном царстве влачится
ряд пасмурных дней

А в лазурном —

мгновенье прекрасное

Чудовище

Зловещее и смутное есть что-то

И в сумерках осенних и в дожде...

Оно растет и ширится везде,

Туманное, как тонкая дремота...

Но что оно? Названья нет ему...

Оно черно, но светит в полутьму

Неясными свинцовыми очами,

И шепчется с вечерними тенями

На языке, нам чуждом, потому

Что смысл его загадочен и странен

И, как мечта, как тень, непостоянен.

Оно старей, чем солнце и луна...

И нет ему ровесников и сверстниц,

И в сумраке неосвещенных лестниц,

У тусклого прозрачного окна

Оно стоит, и вдруг стремится выше,
Услышав шаг иль кашель, точно вор...
Глядит в пролет, и дышит в темной нише
И слушает унылый перебор
Глухих шагов по ступеням отлогим,
Ужасное своим молчаньем строгим...

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ

На том берегу наше счастье взойдет
Устав по лазури чертить огневую дугу.
И крыльев бесследный смирится полет
На том берегу.

На том берегу отдыхают равно
Цветок нерасцветший и тот, что завял на лугу
Всему, что вне жизни бессмертье дано
На том берегу.

В проповеди правды чую сердцем ложь,
В девственном покое — сладостную дрожь,
Мне жалка невинность, мне презренен грех,
Люди мне чужие, я — чужее всех.

Лишь одно отринуть чувство не могу.
Лишь одну святыню в сердце берегу,
Возмущенье миром, Богом и судьбой,
Ужас перед ближним, страх перед собой

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

С потухшим факелом мой гений отлетает,
Погас на маяке дрожащий огонек,
И сердце без борьбы, без жалоб умирает,
Как холодом ночным обвеянный цветок,
Меня безумная надежда утомила:
Я ждал, так долго ждал, что если бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое светило –
Как филина, меня бы ослепила
И сияющий эдем отворенная дверь.

Плывет, колышется туманов белый свиток,
И чем-то мертвенным он застилает даль...
Головки васильков и бледных маргариток
Склонила до земли безмолвная печаль

Приди ко мне, о ночь, и мысли потуши!
Мне надо сумрака, мне надо тихой ласки:
Противен яркий свет очам больной души,
Люблю я темные, таинственные сказки...

Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!

Летние, душные ночи

Мучат тоскою, веют безумною страстью,

Бледные, звёздные очи

Дышат восторгом и непонятною властью.

С колосом колос в тревоге

Шепчет о чем-то, шепчет и вдруг умолкает,

Белую пыль на дороге

Ветер спросонок в мертвом затишьи вздымает.

Ярче, все ярче зарница,

На горизонте тучи пожаром объаты,

Сердце горит и томится,

Дальнего грома ближе, все ближе раскаты...

Будь что будет — все равно.

Парки дряхлые, прядите

Жизни спутанные нити,

Ты шуми веретено.

Всё наскучило давно

Трем богиням, вещим пряхам,

Было прахом, будет прахом,

Ты шуми, веретено.

Нити вечные судьбы

Тянут парки из кудели,

Без начала и без цели.

Не склоняют их мольбы.

Я людям чужд и мало верю

Я добродетели земной;

Иною мерой жизнь я мерю,

Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую

Недосягаемую твердь,

Всегда свободную, простую

И непонятную, как смерть.

О небо, дай мне быть прекрасным,

К земле сходящим с высоты,

И лучезарным, и бесстрастным,

И всеобъемлющим, как ты.

Отец мой, грех везде со мною

Он — в ласке горлиц под окном

Он — в играх мошек над водою

Он — в кипарисе молодом,

Обвитом свежеею лозою

Он — в каждом шорохе ночном

В словах молитв, в огне зарницы

Он — между строк священных книг

ДАНИИЛ РАТГАУЗ

Вечность бесстрастно играет минутными снами,

Звуки веселья несутся и тают над нами,

Звуки печали в душе воцарились властно.

Прошлое в бездну умчалось от нас безучастно.

Тщетно мы вдаль устремляем тоскливые взгляды,

Тщетно мы ждем от грядущего светлой отрады,

Истины мглу озарить мы не в силах мечтами.

Вечность бесстрастно играет минутными снами.

АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВ¹

Все мы — несчастные, все мы — заблудшие,

Темною ночью без света бродящие.

Грёзы, стремленья, желания лучшие —

Всё это призраки вмиг проходящие.

Нам непонятны веления тайные,

Жизни земной предсказания смутные, —

Мы — только атомы жизни случайные,

Мира печального гости минутные.

¹ В Пушкинском доме считали автором этого текста предыдущего автора — Д. Ратгауза. [Долгополов Л. К. и др.— БП..1972 г.]

БРЮСОВ

Белая роза дышала на тонком стебле.
Девушка вензель чертила на зимнем стекле

Голуби реяли смутно сквозь призрачный снег.
Грёзы томили всё утро предчувствием нег.

Девушка долго и долго ждала у окна.
Где-то за морем тогда расцветала весна.

Вечер настал, и земное утешилось сном.
Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?

Белая роза увяла без слез в эту ночь
Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь.

Эта светлая ночь Эта тихая ночь

Эти улицы узкие длинные

Я спешу я бегу убегаю я прочь

Прохожу тротуары старинные

Я не в силах восторга мечты превозмочь

Повторяю напевы старинные

И спешу и бегу — а прозрачная ночь

Стелет тени манящие длинные

Серебро, огни и блески,
— Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вечера.

Это — область чьей-то грёзы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Звёзды закрыли ресницы
Ночь завернулась в туман
Тянутся чрез вереницы
В сердце любовь и обман

Кто-то во мраке тоскует
Чьи-то рыдания звучат
Память былое рисует
В сердце насмешка и яд

Тени забытой упреки
Ласки недавней обман
Звёзды немые далеки
Ночь завернулась в туман

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Гаснут розовые краски

В бледном отблеске луны;

Замерзают в льдинах сказки

О страданиях весны;

Светлых вымыслов развязки

В черный креп облечены,

И на празднествах все пляски

Ликом смерти смущены.

СЕРГЕЙ КРЕЧЕТОВ

В ночных раздольях, в ночных просторах

Сожженный быстро, растаял день

Иду, и вмятен мне каждый шорох,

И жутко сбоку ложится тень.

Весенним утром я шел счастливый,

И были вздохи так далеки.

О, как нежданно кругом выросли вы,

Седые травы моей тоски.

Куда иду я?.. О, если знать бы!

Я только путник, лишенный сил,

В краю, где ведьмы справляют свадьбы

И бродят в поле среди могил.

Когда толпа надежд растерянно рыдает
И дьявол прошлого на раны сыплет соль,
Когда спасенья нет, лишь он не отступает,
Лишь он, целитель мук, священный Алкоголь.

О Царь отверженных! О радость позабытых!
О претворяющий в восторг земную боль!
Ты в зареве веков — как сфинкс на черных плитах.
Владыка гордых снов, священный Алкоголь!

МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

Восточные облака

Идут, идут небесные верблюды,
По синеве вздымая дымный прах.
Жемчужин-слёз сверкающие груды
Несут они на белых раменах.

В вечерний час, по розовой пустыне.
Бесследный путь оставив за собой,
К надзвёздной Мекке, к призрачной Медине
Спешат они, гонимые судьбой.

О, плачьте, плачьте! Счет ведется строго
Истают дни, как утренний туман
Но жемчуг слез в сокровищницу Бога
Перенесет воздушный океан.

3. ГИППИУС

Душа моя угрюмая, угрозная,

Живет в оковах снов

Я — черная вода, пенноморозная,

Меж ледяных берегов

Ты с бедной человеческою нежностью

Не подходи ко мне

Душа мечтает в вящей безудержностью

О снеговом огне.

Тебя приветствую мое поражение,
тебя и победу люблю я равно;
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль — всегда одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, — всё бродит туман;
в последней жестокости — есть бездонность
нежности,
и в Божьей правде — Божий обман.

Люблю я отчаянье мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно я знаю наверно:
надо каждую чашу пить до дна.

Небеса унылы и низки,
Но я знаю — дух мой высок.
Мы с тобою так странно близки,
И каждый из нас одинок.

Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти ведет.
Но люблю я себя, как Бога, —
Любовь мою душу спасет.

Если я на пути устану,
Начну малодушно роптать.
Если я на себя восстану
И счастья осмелюсь желать, —

Не покинь меня без возврата
В туманные, трудные дни.
Умоляю слабого брата
Утешь, пожалей, обмани.

Мы с тобою единственно близки
Мы оба идем на восток.
Небеса злорадны и низки.
Но я верю — дух наш высок.

О, часу ночному не верьте!

Он исполнен злой красоты.

В этот час люди ближе к смерти,

Только странно живы цветы.

Окно мое высоко над землею,

Высоко над землею.

Я вижу только край неба с вечерней зарею,

Вечерней зарею.

И небо кажется пустым и бледным,

Таким пустым и бледным.

Оно не сжалится над сердцем бедным,

Моим сердцем бедным.

Увы, в печали безумной я умираю,

Я умираю,

Стремлюсь к тому, чего не знаю,

Чего не знаю.

И это желание не знаю откуда.

Пришло откуда,

Но сердце просит и хочет чуда,

Чуда.

О, пусть будет то, чего не бывает,

Никогда не бывает:

Мне бледное небо чудес обещает,

Оно обещает,

И плачу без слез о неверном обете,

О неверном обете...

Мне нужно то, чего нет на свете,

Чего нет на свете.

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
и только для нее не знаю слов

Иди сюда, взгляни-ка
Сквозь желтое стекло.
Взгляни, как небо дико,
Подземно и светло.

Клубясь, ползет червивый
И дымный ворох туч.
Мертво рудеют ивы
Над желтью жарких туч.

Ручей по дну оврага —
Как черное вино.
Как жженная бумага —
Трава в мое окно.

Бессмысленно-кровавы
Тела апрельских рощ
Накрапывает ржавый
Сухой и горький дождь.

И всюду эти стекла
Проклятого окна
Земля моя поблекла,
Земля опалена!

Часы стучат невнятные,

Нет полной тишины.

Все горести — поняты,

Все радости — скучны.

Не жду необычайного:

Всё просто и мертво.

Ни страшного, ни тайного

Нет в жизни ничего.

ФЁДОР СОЛОГУБ

Трепещет сердце опять.

Бледная поднялась заря.

Бедная! пришла встречать

Злого, золотого царя.

Встал, и пламенем лучей

Опалил, умертвил ее.

Ропщет и плачет ручей, —

Усталое сердце мое.

День только к вечеру хорош.

Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

Закону мудрому поверьте —

День только к вечеру хорош.

С утра уныние и ложь

И копошащиеся черти.

День только к вечеру хорош,

Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня к последнему забытию,
Я пас тогда ослиные стада
И похвалялся их тяжелой прытью.
Порой и сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя пришла
И на поля повеяла прохлада.
Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.

Там прозрачно тучи тают

Там покорно и мертво

Там багряно умирают

Грёзы сердца моего

На лицо мое упали

Беспощадные лучи

Как могучий вопль печали

Безотрадно горячи

Вся горит и вся сверкает

Залитая солнцем твердь

Где в пустой дали сияет

Утешительница смерть

Поклонюсь я тебе палатой мноюю

Я хочу забвенья да веселия

Ты води некошеной дорогою

Ты нарви мне ересного зелия

Белый саван брошен над болотами

Мертвый месяц поднят над дубравами

Ты поди заклетыми воротами

Ты приди ко мне с шальной пошавою

Страшен навий след но в нем забвение

Горек омег твой но в нем веселие

Мертвых уст отраднo дуновение

Принеси ж мне ведьма злое зелие

То не слезы — только росы только дождь

Не раздумье — только тени тёмных рощ

И не радость — только блещет яркий змей

Всё же плакать и смеяться ты умей

Плоть и в свете неподвижна и темна

Над огнями бездыханно холодна

В тёмном мире неживого бытия

Жизнь живая. Солнце мира только я

В пути безрадостном среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная принявши вид богини
Прекрасной и нагой

Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она
И серебристо обвивала
Ее туманная волна

И где она ногою голой
Касалась сухой земли
Там грешные цветы толпой весёлой
Бесстыдные пахучие цвели

И предо мной склонившись как рабыня
Она меня к греху таинственно звала
И скучной стала мне житейская пустыня
И жажда дел великих умерла

Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, —
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу.

Улыбается сладкая
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.

Пробежит — зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, залятога
Не хотел бы кольца,
Отойти б от крылатого
Огневого гонца.

Багряный вечер в сердце воздвигал

Алтарь кручины

И флером грусти тихо обвевал

Простор долины

Стояли клены в тяжком забытии

Цветы пестрели

С травой шептались ясные ручьи

Струясь без цели

Над нивой над рекой обрывки туч

Струясь бежали

И золотил их поймы поздний луч

Зарей печали

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Все зовет да манит отдохнуть

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб ее одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.

Я — царевич с игрушкой в руках,
Я — король зачарованных стран.
Я — невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.

Поднимаю бессонные взоры

И луну в небеса вывожу,

В небесах зажигаю узоры

И звездами на них ворожу,

Насылаю безмолвные страхи

На раздолье лесов и полей

И бужу беспокойные взмахи

Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,

Позабылся во тьме и в тиши,

И цвету я ночными мечтами

Бездыханной вселенской души

И ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, —
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.

Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чем?
Кто под моим лежит плечом
И уху не дает покоя?

Пророчит что-то тихий шепот?
Иль? может быть, зовет ведя,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?

Но этот мир весь только след

Иного мира он неведом

И речь о нем — безумный бред

Ей навсегда остаться бредом

И в мире том живу я цел

От первых вздохов до могилы

Юдольный проходя удел

По мигам растворяю силы

Я поглощаю каждый миг

И предаю земле земное

И лишь в гаданиях постиг

Предначертанье роковое

Пойми, что гибель неизбежна.

Доверься мне

И успокойся безмятежно

В последнем сне.

В безумстве дни твои сгорели,

Но что тужить!

Вся жизнь, весь мир — игра без цели.

Не надо жить.

О лихорадочное лето

То ветра холод то солнца зной

Холодной мглой земля одета

Ручей смеется в тени лесной

Он притаился в долине тесной

Ему забавно что много туч

Ему противен змей небесный

Как меч разящий — блестящий луч

ВЯЧ. ИВАНОВ

У замка над озером ключ и капелла мадонны
Туда на закате приходим с тобой богомольно
Цветы полевые вплетешь ты в решетку окна
Испить ключевой дотянусь до студеной криницы
На камне сидим перед славой вечернего солнца
Не больно глазам и покорному сердцу не больно
Над ласковой далью промчатся пугливые птицы
То чайки, то ласточки.

Смолкнут недолгие звоны
То Angelus дальний и мнится у милой гробницы
Мы побыли вновь и родная пришла нашептала
Нам Ave и с нею молились уста мимовольно
С улыбкой склонилась улыбкой двоих сочетала
Но мглою прозрачной лесные подернуты склоны
Звезда разгорелась. Как розовый пепел, дорога.
Меж темных деревьев обителей светлых немало
В просторе Господнем, и в сердце простора
для Бога

Мгла тусклая легла по придорожью

И тишина

Едва зарница вспыхнет беглой дрожью,

Едва видна

Несчастных звёзд мерцающая россыпь

Издалека

Свирелит жаба. Чья-то в поле поступь —

Легка, легка...

Лунная мгла мне мила,

Не серебро и не белые платы:

Сладко глядеть в зеркала

Смутной Гекаты.

Видеть весь дол я могу

В пепельном зареве томной лампы.

Мнится: на каждом лугу —

В кладезях клады.

Вижу, как золото горит

Грудой огня в замурованном своде;

Знаю, что ключ говорит

Горной породе.

Бледный затеплив ночник,

Зеркалом черным глухого агата

Так вызывает двойник

Мира — Геката

Дальний лай — глубокий,
Теплой ночью летней...
Что звучит ответней
Думе одинокой?

Грустный всхлип совиный —
Вспомнилось родное
Кладбище ночное
С церковью старинной...

Чу, орган налажен!
Лишь коснись перстами,
Лишь дохни устами
У послушных скважин:

Муסיкийский шорох
Матери откроет
Все, что Ночь покоит
В сумрачных просторах.

Наше сердце глухо,
Наши персты грубы,
И забыли губы
Дуновенье Духа.

Гости неземные,
Чьи бесплотны пальцы,
Вам будить скитальцы,
Голоса ночные.

Шелест рощ умильный,
Рокот волн унылых —
Всё доносит милых
Шепот замогильный.

И, как стон, протяжен,
И томит загадкой
Зов волшебно-сладкий
Многоустых скважин.

ВОЛОШИН

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.

Клочья тумана... вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертания.
Лампу Психеи держу я в руке —
Синее пламя познания.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли сместились.
Все мы уж умерли где-то давно.
Все мы еще не родились.

Быть заключенным в темнице мгновения,

Мчаться в потоке струящихся дней.

В прошлом разомкнуты древние звенья.

В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,

Дымом кадильным струиться вдали.

Разум запутался в траурных складках,

Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны,

Неосвязаемо близки впотьмах.

Память — неверная нить Ариадны —

Рвется в дрожащих руках.

Мир закутан плотно
В сизый саван свой —
В тонкие полотна
Влаги дождевой.

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

С грустью принимаю
Тягу древних змей:
Медленную Майю
Торопливых дней.

Затерявшись где-то,
Робко верим мы
В непрозрачность света
И прозрачность тьмы.

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь,
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту черную пасть,

Робким сердцем приникнуть,
Чутким ухом припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет. Послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда...
"Знаю... знаю... всё знаю",
Шепчет вода.

Ночь темна и беззвездна.
Кто-то плачет во сне.
Опрокинута бездна
На водах и во мне.

Вьются ввысь прозрачные ступени
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко — в древнем храме
Вздых земли подымлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, — вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись завеса в темном храме,
Разомкнись лазоревая твердь!
Вот она, как ангел над мирами,
Факел жизни — огненная Смерть!

Не зови того, кто уходит
лей о том, что прошло
смерть, а жизнь лишь уводит
забудь и знак и число

Ах как дики эти излоги
Как грустна вечерняя муть
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь

Дети солнечно-рыжего меда
И коричнево-красной земли —
Мы сквозь плоть в темноте проросли.
И огню наша сродни природа.
В звёздном улье века и века,
Мы, как пчелы у чресл Афродиты,
Вьемся, солнечной пылью повиты,
Над огнем золотого цветка.

Обманите меня... но совсем навсегда...
Чтоб не думать, зачем, чтоб не помнить, когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти в темноте, наобум
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А, очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Поле убогое
Плесени иней
В них рогорогое
Тменье теней

Вымутен куревом
Плесенный пруд
В небе лазуревом
Вытянут прут

Полнится мутиями
Все бытие
Полнится жутиями
Сердце мое

"Лапою темной
Тебя обойму
Лапою темной
Брошен во тьму"

Снеговая блистает роса
Налила серебра на луга
Жемчугами дрожат берега
В светлоглазых алмазах роса

Мы с тобой над волной голубой
Над волной берегов перебой
И червонное солнца кольцо
И твое огневое лицо

Там золотым зари закатом
Лучится солнечный поток
И темным огневым закатом
Окуревается восток

Грозятся безысходной мглою
Ночные вереницы гроз
Отторгни глубиною злою
С души слетающий вопрос

Неутомимой хоть бесплодной
Ты волею перегори
Как отблеском порфирородной
Порфиропламенной зари

Там рдей вечеровое рденье
Вечеровая полоса
Простертые как сновиденья
Воскуренные небеса

Страшен мрак ночной
Коли нет огня
Посиди со мной
Не оставь меня
Буйный ветер спит
Ночь летит на нас
Сквозь туман горит
Пара красных глаз
Страшен мрак ночной
Коли нет огня
Посиди со мной
Не оставь меня
Мне не страшно нет
Ты как солнца луч
Брызжет ровный свет
Из далеких туч

Надо спать, все спит
Я во сне...
Вон там
Великан стоит
и кивает нам

На небе прордели багрянцы
Пропели и нежно немели
Проглядные ясные глянца
Стеклась зеленея звездели
Моргнули на туче певучей
Текуче блеснув бриллианты
Попадая палицами в тучи
Где-то прогоготали гиганты
Шипучею пеной кипели
Певучие струны в туманы
Лохматясь лиловые ели
Кидались в лиловые страны
В просторах сырых перепутий
Ввиваясь бежали дороги
Где тусклые сумерки жутей
Прорезывали рогороги

В лазури несется толпа исполинов на битву.
Ужасен их облик, всклокоченный, каменно-лобый.

Сурово поют исполины седые молитву.
Бросают по воздуху красно-пурпурные стрелы.

Дрожала в испуге земля от тяжелых ударов.
Метались в лазури бород снегоблещущих клоки

— И нет их... пронизанный тканью
 червонных пожаров,
Плывет многобашенный город, туманнодалекий.

Солнцем сердце зажжено.
Солнце — к вечному стремительность.
Солнце — вечное окно
В золотую ослепительность.

В сердце бедном много зла
Сожжено и перемолото.
Наши души — зеркала.
Отражающие золото.

Звон вечерний гудит, уносясь
в вышину. Я молчу, я доволен.
Светозарные волны, искрясь,
зажигают кресты колоколен.

В тучу прячется солнечный диск
Ярко блещет чуть видный остаток.
Над сверкнувшим крестом дружный визг
белогрудых счастливых касаток.

Пусть туманна огнистая даль —
посмотри, как все чисто над нами.
Пронизал голубую эмаль
огневеющий пурпур снопами.

Там касатки кричат, уносясь.
Ах, полет их свободен и волен...
Светозарные волны, искрясь.
озаряют кресты колоколен.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
Онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Жизнь в безвремя мчится
пересохшим ключом:
все земное нам снится
утомительным сном.

Осенне-серый меркнет день,
Вуалью синей сходит тень.
Среди могил, где всё — обман,
вздыхая, стелется туман.
Береза желтый лист стряхнет.
В часовне огонек блеснет.
Часовня заперта. С тоской
там ходит житель гробовой.
И в стекла красные глядит,
и в стекла красные стучит.

В часовне жители гробовой
к стеклу прижался головой...
Кроваво-красная луна
уже печальна и бледна.

Кругом крутые кручи.
Смеется ветром смерть.
Разорванные тучи!
Разорванная твердь!

Лег ризой свет зари.
Краснеет красный край.
В волнах зари умри.
Умри-гори: сгорай!

Гремя, в скрипящий щебень
Железный жезл впился,
Гряди на острый гребень
Грядущих мигов я.

Броня из крепких льдин.
Их хрупкий, хрупкий хруст.
Гряди, гряди — один.
И крут мой путь, и пуст.

Взлетая в сумрак шаткий,
людская жизнь течет,
как нежный, снежный, краткий
сквозной водоворот.

КОНСТАНТИН ДИКСОН

Как пусто и темно... Как будто непогода
Закрыла пеленой таинственную даль.
И будто впереди тяжелая невзгода
Готовит нам опять унынье и печаль.
Каким-то холодом душа моя объята, —
Предчувствие манит и мучает меня
И снова вижу я, — как видел уж когда-то
Что, не дожидаться нам сияющего дня!..
Глухая ночь кругом... Тоскует непогода,
Туман сгущается... Погасли фонари...
Глухая ночь кругом... Глухая без исхода, —
Без яркой полосы спасительной зари...

Серая нудная мгла
Снова, как прежде, кругом,
Снова, как прежде, вползла
В старый, заброшенный дом...

Видишь вон, словно туман,
Стелется, низко ползет, —
Это зловещий обман,
Крадучись, тихо идет...

Вот подошел и приник,
Чутко, как пес, сторожит, —
Видишь причудливый лик
Там у окошка дрожит?

Серая нудная мгла
Снова, как прежде, кругом,
Снова, как прежде, вползла
В старый заброшенный дом...

АЛЕКСАНДР ТИНЯКОВ

На весенней травке падаль...

Остеклевшими глазами

Смотрит в небо, тихо дышит,

Забеременев червями.

Жизни новой зарожденье

Я приветствую с улыбкой,

И алеют, как цветочки,

Капли сукровицы липкой.

Н. ГУМИЛЕВ

Спокойно маленькое озеро,

Как чашка, полная водой.

Бамбук совсем похож на хижину,

Деревья — словно море крыш.

А скалы острые, как пагоды,

Возносятся среди цветов.

/ Индия/

Оранжево-красное небо...

Порывистый ветер качает

Кровавую гроздь рябины.

Догоняю бежавшую лошадь

Мимо стекол оранжереи,

Решетки старого парка

И лебединого пруда.

Косматая, рыжая, рядом

Несется моя собака,

Которая мне милее

Даже родного брата,

Которую буду помнить,

Если она издохнет

Стук копыт участился,

Пыль все выше.

Трудно преследовать лошадь

Чистой арабской крови.

Придется присесть, пожалуй,

Задохнувшись, на камень

Широкий и плоский,

И удивляться тупо

Оранжево-красному небу,

И тупо слушать

Пронзительный ветер.

Под землей есть тайные пещеры,
Там стоят высокие гробницы.
Огненные грезы Люцифера,
— Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни.
Со стеклянным, выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в твою гробницу,
Ты загредишь о небесном храме,
Ты увидишь пред собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной.
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это всё. И это будет вечно.

Есть Моисеи посреди дубрав
Марии между пальм Их души верны
Друг другу посылают тихий зов
С водой струящийся во тьме безмерной
И в глубине земли точка алмаз
Дробя гранит ключи лепечут скоро
Ключи поют кричат где сломан вяз
Где листьями оделась сикомора
О если бы и мне найти страну
В которой мог не плакать и не петь я
Безмолвно поднимаясь в тишину
Неисчислимы тысячелетия

Что это так красен рот у жабы,
Не жевала ль эта жаба бетель?
Пусть скорей приходит та, что хочет
Моего отца женой стать милой.

Мой отец ее приветно встретит,
Рисом угостит и не ударит,
Только мать моя глаза ей вырвет,
Вырвет внутренности из брюха.

/Детская песенка. Индия/

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы.

Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил.

Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили карлики и львы.

И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.

И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.

Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой.

Вздрагивает огонек лампадки,
В полутемной детской тихо, жутко,
В кружевной и розовой кровати
Притаилась робкая малютка.

Что там? Будто кашель домового?
Там живет он маленький и лысый...
Горе! Из-за шкафа платяного
Медленно выходит злая крыса.

В красноватом отблеске лампадки,
Поводя колючими усами,
Смотрит, есть ли девочка в кровати,
Девочка с огромными глазами.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

На искусственном острове крутоберегого озера

Кто видал замок с башнями?

Кто к нему подплывал?

Или позднею осенью только гладь заморозило

Кто спешит к нему ветрово трепеща за провал?

Кто к окну приникающий созерцанья нестроного

Не выдерживал взглядом и смеялся навзрыд?

Чей скелет сотрясается в башне мертвого озера

И под замком запущенным кто прекрасный зарыт?

Кто насмешливо каялся?

Кто возмездия требовал?

Превратился кто в филина? Кто в летучую мышь?

Полно полно то было ли?

Может быть вовсе не было?

Завуалилось озеро зашептался камыш.

Если закат в позолоте
Душно в святом терему.
Где умерщвление для плоти
В плоти своей же возьму?

Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что с теплотой золотится,
Попросту сводят с ума...

Где ж умерщвление для плоти
В духе несильном найду?
Если закат в позолоте —
Невыносимо в саду...

О, грёза дивная, мне сердца не тирань!

Воспоминания о прожитом так живы.

Я на Квантун хочу, в мой милый
Да-Лянь-Вань.

На воды желтые Корейского залива.

Я в шлюпке жизненной разбился о бурун.

И сердце чувствует развязку роковую –

Я по тебе грущу, унылый мой Квантун,

О, Море Желтое, я по тебе тоскую!

Невымученных мук, невыгроженных гроз

Так много позади, и тяжек сердца стук.

Оранжевый закат лианами оброс

Невыкорченных мук.

Оранжевый закат! ты мой давнишний друг.

Как лепеты травы, как трепеты берез,

Как щебеты мечты: Но вдруг изменишь? вдруг?

Заплакать бы обжогом ржавых слез,

В них утопить колечки змейных сук

И ждать, как ждет подпоездник колес,

Невысмертивших мук!

Сирень моей весны фимьямною лиловью

Изнежила кусты в каскетках набекрень.

Я утопал в траве, сзывая к изголовью

Весны моей сирень.

— Весны моей сирень! — И голос мой был
звончат,
Как сребгорлый май. — Дыши в лицо пьяней...

О, да! О, никогда любить меня не кончит

Сирень весны моей!

Моей весны сирень грузила в грезы разум.

Пила мои глаза, вплетала в брови сны,

И, мозг испепелив, офлёрила экстазом

Сирень моей весны...

ИВАН ИГНАТЬЕВ

Почему я не арочный сквозь?

Почему плен судьбы?

Почему не средмирная ось,

А средмирье борьбы?

Почему не желая живу?

Почему умираю живя?

Почему оживая умру?

Почему Я — лишь я.

А не знаю Окружности ключ.

Знаю — кончится Бег.

И тогда и увижу всю звучь

И услышу весь спектр.

Д. ТУМАННЫЙ

* * *

Ты придешь, спаситель наш, я верую,
Ты придешь, и кончится борьба!
Над седыми, площадями, скверами
Прогремит железная труба.

Ты придешь в броне из алюминия
В тихий час со стороны реки,
И завеса ночи темно-синяя
Разорвется с ревом на куски!

И в момент последнего пришествия
Под свистки и дикое — ага!
Мы под черным знаком сумасшествия
Все помчимся к черту на рога!

В. МАЯКОВСКИЙ

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан

Зеленью ляг луг,
выстели дно дням.

Радуга дай дуг
лет быстролётным коням.

Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людам страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожеванный крик

В дырах небоскребов

где горела руда

и железо поездов громоздило лаз

Крикнул аэроплан и упал туда

Где у раненого солнца вытекал глаз

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

Дождь. Туман. Кого-то жалко;
Песня в сердце оборвалась.
Вся взъерошенная, галка
Под окном моим прижалась.

Грудью к дереву припала,
Шелестят седые крылья:
"Я пропала, я пропала",
— Злобно каркает в бессилье.

В это мертвое мгновенье
Эта пасмурная нота
Жутко будит в нас сомненье
И предчувствие чего-то.

С. ЕСЕНИН

О Боже Боже
Качаешь землю в снах
Созвездий светит пыль
На наших волосах
Шумит небесный кедр
Через туман и ров
И на долину бед
Спадают шишки слов
Поют они о днях
мель и вод
Где на тугих ветвях
Кусал их лунный рот
И шепчут про кусты
Непроходимых рощ
Где пляшет сняв порты
Златоколенный дождь

Колокольчик среброзвонный
Ты поешь иль сердцу снится
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поёт иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

Ночь и поле и крик петухов
С златой тучки глядит Саваоф
Хлесткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин

Кто-то сгиб кто-то канул во тьму
Уж кому-то не петь на холму
Мирно дремлет родимый очаг
О погибших во мраке очах

Тихо-тихо в божничном углу
Месяц месит кутью на полу
Потревожит лишь помином тишь
Из запечья пугливаямышь

Листья падают, листья падают.

Стонет ветер,

Протяжен и глух.

Кто же сердце порадует?

Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками

смотрю и смотрю на луну.

Вот опять петухи кукарекнули

В обосененную тишину.

Предрассветное. Синее. Раннее

И летающих звёзд благодать.

Загадать бы какое желание,

Да не знаю, чего пожелать

Мир таинственный, мир мой древний,
Ты как ветер затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная гибель,
Я навстречу тебе выхожу!

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зароюсь в снегу...
Все же песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу.

Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок,
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щок.

Я одну мечту, скрывая, нежу.
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

Облака лают
Ревет златозубая высь
Пою и взываю
Господи, отелись!
За тучи тянется моя рука
Бурею шумит песнь
Небесного молока
Даждь мне днесь
Грозно гремит твой гром
Чудится плеск крыл
Новый Содом
Сжигает Егудиил
Но твердо не глядя назад
По ниве вод
Новый из красных врат
Выходит Лот

ВС. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Хорошо на зеленой луне
Там душа моя бродит во сне
Осторожно по трещинам дна
Как слепая ступает она
А за нею зубчатая тень
Со ступеньки скользит на ступень

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

И лишь во сне
Над этой жизнью рея
Себя тая,

Цветка касалась
Бабочка-психея

Душа моя

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

Был черным лес. Пять лет тому назад
он полыхнул от молнии небесной
и с той поры здесь дерева молчат
и пни торчат шеренгою железной

Откуда страсть — пройти его насквозь
Ведь этот лес чем дальше, тем бездонней
И ты стоишь пред ним как некий гость
вдруг заглянувший в мир потусторонний

ЧАСТЬ VI

ГЕОРГ ТРАКЛЬ

Багровый шар из веток выплыл снова.
Шел мелкий снег и черный встал сугроб
Крестом священник осеняет гроб
Ночь в маскарады вылиться готова

И как тряпьё вороны над деревней
Чудесной сказкой мир глядит из книг
Колосьями в окно трясет старик
В больной душе гуляет демон древний

Замерз колодец. Старых шахт утроба
Гудит от ветра, лестницы во мгле
Ветшают, рушатся, лежат в земле,
Мороз как пряность ощущает нёбо.

/ Б. Скуратов /

Я в глубину забытую входил,
Плясали звёзды бешено во мраке,
На синем фоне лаяли собаки,
И раны сосен ветер бередил

Тупым покоем сковывают вновь
Уста мои отравленные маки
Роса, мерцающая, подает мне знаки
И падает, и падает, как кровь.

Из зеркала спустился сумрак серый
И, медленно пронизывая сферы,
лик Каина плывет ко мне в окне
Я слышу шелком шелестят портьеры,
Льет свет луна — и пустота без меры;
Убийца мой со мной наедине.

О проклятые темные яды
Белого сна!
Этот диковинный сад
Мглистых деревьев,
Полный змей, ночных мотыльков,
Паучков, летучих мышей.
Пришелец! Твоя одинокая тень
В свете вечерней звезды, —
Мрачный корсар
В соленом море несчастья.
С опушки ночи слетают белые птицы
и кружат над падающими домами
Стальных городов.

/О. Бараш /

Ночная душа

Беззвучно из черной чащи синий зверь снизошел
В глубь души.

То ночь была; на мшистых ступенях
снежный ручей.

Кровью, бряцаньем оружия древних времен
полнены сосны.

На-

В заброшенной комнате вечно сияет луна;
Серебристая маска, упившись полночным зельем,
Склонилась над сном пастухов,
Лик молчаливый, забывший свои сказанья.
О, и медленно он раскрывает холодные руки
Под каменным сводом.

Тихо встает золотистое лето в ослепшем окне.
И звенят в зеленых травах шаги танцовщицы
Ночь напролет.
Все чаще в пурпурной тоске окликает пьяного сыч.

Во сне я видел листопад,
Темное море и лес осенний,
Мне слышался речи печальный лад,
Но я не понял их значенья.

Во сне я видел звездопад,
Очей погасших мольбу и смятенье.
Мне слышался смеха веселого лад.
Но я не понял их значенья.

То был листопад, то был звездопад,
И вечная смерть моя и рожденье.
То был сновидений бессмертный лад,
Но я не понял их значенья.

О облетевшие буки и черный снег.

Тихо веет северный ветер.

Здесь до восхода луны

Сумрак бродил одинокий по темным тропам

В осеннем покое. И падают снежные хлопья

На безлистные сучья.

На засохший камыш; поет, зеленея,
хрусталь пруда.

В соломенных хижинах пусто, как память
о детстве,

На полночном ветру трепещут ветви берез.

О дорога, что тихо стынет во мраке,

И приют в розоватом снегу.

ФЕДЕРИКО
ГАРСИА ЛОРКА

Зубы старой луны
цвета кости слоновой.
О, канун умиранья!
Износились обновы,
опустели все гнёзда,
обмелели все русла...
Под горбатой луною
стало дряхло и грустно.

Донья смерть ковыляет
мимо ивы плакучей,
с нею старые бредни
верениц и попутчиц,
И, как злая колдунья
из предания злого,
продает она краски —
— восковую с лиловой

А луна этой ночью,
как на горе ослепла —
и купила у Смерти
цвет агоний и пепла.

/ А. Гелескул /

Начинается плач гитары.
Разбивается чаша утра.
Начинается плач гитары.
О, не жди от нее
молчанья,
не проси у нее молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам — плачет
как ветра над снегами — плачет,
не моли ее о молчанье!
Так плачет закат о рассвете,
так плачет стрела без цели,
так песок раскаленный плачет
о прохладной красе камелий.
Так прощается с жизнью птица
под угрозой змеиного жала.

/ Цветаева /

Только ветер исторгнет улитку,
у слона погребенную в легких
только ветер червей заморозит
в сердцевине рассветов и яблок.

Проплывают бесстрастные лица
под коротеньким ропотом дерна,
и смутней мандолины и сердца
надрывается грудь лягушонка.

Над безжизненной площадью в лавке
голова замычала коровья,
и в тоске по змеиным извивам
раскололись кристальные грани.

/А. Гелескул /

Раз

и два,

и три —

листья мелькнули в окне.

Рыбка плывет при луне.

Не спит река,

но века

море поёт во сне.

Лес

отпевает принцесс,

мгла ему свечи зажгла.

Вторит монашка в дупле.

И скрипач с головой из стекла,

и картонная скрипка и мгла,

и свеченье снегов и седин

с целым миром

один на один.

Тени мертвых и мрамор немой!

Муравейник рассвета зимой!

Жасмин и бык заколотый. Светает.
Булыжник. Арфа. Карта. Полудрема.
Быком жасмина девушка рядится,
а бык — исчадьем сумрака и рева.

Будь это небо маленьким ребенком,
полночи бы жасмином расцветало
и бык нашел бы синюю арену
с неузвимым сердцем у портала.

Но это небо — стойбище слоновье,
жасмин — вода, не тронутая кровью,
А девушка — ночной букет забытый,
у подворотни брошенный на плиты.

Жасмин и бык. И люди между ними
в пустотах сна подобны сталактитам.
Слоны и облака сквозят в жасмине,
и девичий скелет в быке убитом.

Хочу, чтоб воды остались без русла.

Хочу, чтоб ветер остался без луга.

Хочу, чтоб полночь незрячей осталась,
а сердце мое сердцевины лишилось;

чтоб с листьями долго волны говорили,
и червь дождевой чтобы умер от мрака,

чтоб зубы у черепа ярко блестели
и шелк затмевали своей желтизной.

Пусть вижу я раненой ночи страданья,
что борется с днем, вокруг него обвиваясь.

Пусть вижу закат из зелёного яда,
разбитые своды, где время страдает.

/ Павлова /

* * *

Протяжны рыданья
в гулкой пещере.

Свинцовое
тонет в багряном.

Цыган вспоминает
дороги кочевий.

Зубцы крепостей
за туманом.

А звуки и веки —
что вскрытые вены.

Черное
тонет в багряном.

И в золоте слез
расплываются стены.

И золото
тонет в багряном.

/А. Гелескул/

ГАНС АРП

Душистый свет
нежный как сад в цвету
проникает в меня.
Изморозь
аромата.
Я шагаю
легко и быстро
по светлым лепесткам величиною с округу.

/ В. Куприянов /

Земля и небо

сливаются.

Синь расцветет

отцветает

зацветает вновь.

Душистый звонкий свет пронизывает меня.

Я покоюсь

зыблемый светом в душистом звонком

радужном роднике.

Дрожащие венцы света
опускаются рядом со мной.
Всплывают рядом со мной.
Они звенят
задевая меня.
На мне распадается платье Нарцисса.

Мое сердце
парит над звёздным лугом
среди бесчисленных звезд.
Подо мною всё сильнее синь.
Нежные звёзды пускают корни во мне
Надо мною всё синее синь.

Душистые звонкие радужные миры
затянули безмерные глубины и выси
Я покоюсь посреди
играющих парящих венцов света.
Они сквозь меня воспаряют и падают.
Я покоюсь в чрезмерном
веселье и свете
в самой глубине бесконечного родника.

Едва ощутима земля.

Синь подножия всё синее.

Шаг мой всё легче и легче.

Скоро я воспарю.

Поющие звёзды блуждают вместе со мной.

Я чую глубокие выси
и высокие глубины
Над мной и под мной
мощно пронизывающие меня
Нежно и весело
пребываю я на земле.

Звонит

шумит

откликается

изморозь

аромата

становясь блаженно поющей синью.

Синь плодоносит светом.

Я слышу шепот звон гул смех.

Уже звучат переливы. Слепящий расколотый свет

Нежные звёзды пускают корни во мне.

Нежные вечности
пускают корни во мне.

Наконец наконец

могу я время транжирить

миг за мигом

бесконечностями

небрежно в душистом звоне

среди изобильных

внутренних звёзд

в самой глубине бесконечного светлого родника.

Цветыоблака
облакацветы.
Отражаются звоны
в безмерности.
Синие воспоминания,
Между высью и глубиью
аромат и синь
рожденные в тех родниках
у которых я грезил ребенком.

ЖАК РУБО

Я зол и мрачен в золе и прахе
в мои литавры грохочет время
влачу в пустыне аскезы бремя
мой лик вопит утверждая страхи

Себя терзаю предан странным
стежам студеным где встречи редки
и редки пятна ягод на ветке
куста моего под ветром пряным

я тот которого кто-то режет
лезвием солнечного топора
я тот над которым пламя и скрежет
но скорбь хранит меня как пора

/ А. Парин /

ИВ БРУССАР

Оголенные истерзанные итальянские тополя
клонятся под натиском ветра
скрипя и роняя с треском
обломанные ветки
завтрашние вязанки хвороста
под истошную брань злорадного ветра
бессильные даже
отбросить тень
против закатного солнца

/ Э. Ананиашвили /

ИВАН ГОЛЛЬ

Замкнулся круг моей боли
моё бытие вернулось в стихию
Стадо легендой ракушек
Я возведен в сан крапивы
Колдовством обращен в камень
Гляди
Из моих карих глаз сочится мёд
В моих пальцах блестит зелёная ящерка
Мелькает нежный рожок улитки
Я вернулся к себе как статуи
Чей голос чужим не слышен
Эхо провидческих зовов
Звучит в пещере моей груди
Рухнул купол Содома
Но его бездомные птицы
Спят на моем плече
О этот сон тонкий как стебель
Из которого утром зацветет разум

/ С нем. Г. Ратгауз /

ЖОЗЕ ГОМЕС ФЕРРЕЙРА

Естественно, как в глубоком
нутряном сне пред рассветом
дерево одинокое
ко мне протянуло ветви,
на которых вместо бутонов
раскрылись глаза человечьи...

...трепет синий, зелёный, зарево, крылья
пленные, острова с прозрачными веждами.
Солнце встает слепое из молчания мертвых.

/ С порт. И. Тынянова /

ВАЛЬТЕР ХЕЛЬМУТ ФРИЦ

Снег метет целый день

и когда занесет

и поленницу дров, и ограды,

ты увидишь, как годы твои,

исчезают за дальним холмом.

По горной дороге

тревоге вослед

уходят следы от колес.

Над вымерзшим руслом ручья

воронье крыло разрезает последние узы.

У тебя за спиной

ветер дверь затворил.

Куда же теперь пойдешь?

/ В. Вебер /

АНИЗ КОЛЬЦ

Птица поет
и песня
прозрачная
словно стеклянный шар
вращаясь плавно
парит над нею
переливами красок играет
взлетает все выше и выше
и птица вдруг понимает
что отныне не властна над ней

/ В. Вебер /

Я вестник

без вести

певец

без песни

несу ностальгию

из города в город

забыв по дороге

о чем моя весть

Не знаю ни песни

живу точно ветер

я вестник

без вести

Ночью на ощупь
руками
залитыми кровью
солнца раскопки
веду я

сон погружает мои глаза
на дно глубочайших рек

мысли далеких предков
на берегах сновидений
лежат
облаками кораблей

под тяжестью
водорослей ракушек

бледнеют они
на моем челе

лежу ослепшая
рядом с солнцем
положив под голову
мертвую чайку

ЧАСТЬ VII

ХЛЕБНИКОВ

Сыновеем ночей синева,
Веет во всё любимое,
и кто-то томительно звал,
Про горести вечера думая.
Это было, когда золотые
Три звезды зажигались на лодках
И когда одинокая туя
Над могилой раскинула ветку.
Это было, когда великаны
Одевались алой чалмой,
и моряны порыв беззаконный,
Он прекрасен, не знал почему.
Это было, когда рыбаки
Запевали слова Одиссея
И на вале морском вдалеке
Крыло поднималось косое.

В этот день голубых медведей,
Пробежавших по тихим ресницам,
Я провижу за тихой водой
В чаше глаз приказанье проснуться.

Но моряной любес опрокинут
Чей-то парус в воде кругло-синей,
Но за то в безнадежное канут
Первый гром и путь дальше весенний.

Зазовь.

Зазовь манности тайн.

Зазовь обманной печали.

Зазовь уманной устали.

Зазовь сипких тростников.

Зазовь зыбких облаков.

Зазовь водностных тайн.

Зазовь.

Неголи легких дум
Лодки направили к легкому свету
Бегали легкости в шум,
Небыли нету и нету.
В тумане грезобы
Восстали грезогы,
В туманных тревогах
Восстали чертогы.
В соногах-мечтогах
Почил он, почему у черты.
В чертогах-грезогых
Почил он почему у мечты.
Волноба волхвобого вира,
Звеноба немотного яра,
Ты все удалила, ты все умилила
О тайная сила,
О кровавая мара.

Немь лукает луком немным
В закричальности зари.
Ночь роняет душам темным
Клича старые "Гори!".
Закричальность задрожала,
В щит молчание взяла
И столика и стожала,
Боем в темноте пошла.
Лук упал из рук упавном,
прорицает тишина,
И в смятении державном
Улетает прочь она.

Облакины плыли и рыдали
Над высокими далями далее
Облакины сени кидали
Над печальными далями далее.
Облакины сени роняли
Над печальными далями далее...
Облакины плыли и рыдали
Над высокими далями далее.

ГЕННАДИЙ АЙГИ

* * *

строго играя

вверх

восхождение белых полян и полей

не торопилось

на мгновенье блеснув завершиться

зыбко-троичным собраньем в светлом движенье широ-
ком:

перекликались

спокойно

поля световые — скользя и колеблясь совместно и воль-
но

в огненном тумане... — как будто — так —

не торопится

вечность

в Бога собратья... — в соседстве со "временем"

всё еще что-то имея

от того и другого

АРКАДИЙ ДРАГОМОЩЕНКО

* * *

Параллельный снег.

Звериный дым ютится по неолитовым норам ночи.

ние заключено в скобки глаз,

покусывающих белое

И мозг, словно в лабиринте мышь.

Ты видишь то, что ты видишь.

Мир притаился. А ты только дичь, ступающая

с оглядкой по ворсу хруста.

ИВАН ЖДАНОВ

Душа идет на нет, и небо убывает,
И вот уже меж звезд зажата пятерня.
О, как стряхнуть бы их! Меня никто не знает.
Меня как будто нет. Никто не ждет меня.
Торопятся часы и падают со стуком.
Перевернуть бы дом — да не нащупать дна.
Меня как будто нет. Мой слух ушел за звуком,
Но звук пропал в ночи, лишая время сна.
Задрал бы он его, как волка на охоте,
и в сердце бы вонзил кровавые персты.
Но звук сошел на нет. И вот на ровной ноте
он держится в тени, в провале пустоты.
Петляет листопад, втирается под кожу.
Такая тьма кругом, что век не разожмешь.
Нащупать бы себя. Я слухом ночь тревожу,
но нет, притихла ночь, не верит ни на грош.

Перед Вами был эскизный проект книги медитативного назначения. Ее нельзя считать сборником обычных текстов. В своей совокупности собранные фрагменты должны выходить за узкие рамки чисто литературной поэзии, образовывать совершенно новый феномен в чем-то близкий музыке и живописи, переходящий также и их границы. И обычного человеческого разума.

Главная задача — порождение новой реальности, причем в отличие от нашей — самодостаточной. Некоторая критическая масса смыслообразов способна образовать духовный взрыв-пакет (для одних) или волшебство (для других) — нечто новосакральное.

Дополнение-продолжение

в антологии

"ПСИХОДЕЛИКА"

Литературно-художественное издание
ДСП

УДК 82

ББК 84

Ш 38

Шедевры поэзии. Антология мировой психоделической лирики. СПб. 2008. — 292 с

Составитель: Акулов А. С.

© Шедевры поэзии. Антология мировой психоделической лирики.

© Составление: Александр Акулов